

Попытки переосмыслить значение для истории Руси, и соответственно — России, политики князя Александра Невского и свести его гражданский и духовный подвиг даже не к рядовому, типичному для князя-воина поступку, а к роковой ошибке, предопределившей «не тот» путь развития средневековой Руси, а затем и России, не прекращаются уже много десятилетий.

Сегодня по следам 761-й годовщины Ледового побоища мы начинаем публикацию серии статей православного историка-журналиста Александра УЖАНКОВА, посвященных этой проблематике.

МЕЖ ДВУХ ЗОЛ

Исторический выбор Александра Невского

1. «СКВОЗЬ ТУСКЛОЕ СТЕКЛО»

Критический анализ деяний Александра Невского дан в книге главы английских историков-славистов профессора Оксфордского университета Джона Феннела «Кризис средневековой Руси. 1200—1304.», вышедшей в свет в Лондоне, а также статье И. Н. Данилевского «Один из любимых героев детства». Данилевский пошел еще дальше своего английского коллеги и поставил перед собой задачу развенчать столетиями слагавшийся миф о великом князе Александре Ярославиче.

Остановимся на основных положениях этой работы и начнем цитатой из нее с небольшими комментариями: «Основы мифа об Александре Невском были заложены уже вскоре после смерти знаменитого князя. Приблизительно в восьмидесятые годы XIII столетия начал формироваться культ князя как святого, в чем кровно были заинтересованы его преемники. Тогда и была написана житийная повесть о нем (судя по всему, И.Н. Данилевский придерживается мнения о создании «Повестей о житии Александра Невского», в научном обиходе ошибочно называемых «Житием Александра Невского», в 80-е годы XIII в. по инициативе сына князя — Дмитрия и митрополита Кирилла — А.У.). Основу ее составил рассказ о тех самых сражениях, которые мы так хорошо помним», т.е. о Невской битве 15 июля 1240 г. и Ледовом побоище 5 апреля 1242 г.

По мнению Данилевского, «столкновение на Неве вряд ли можно назвать «битвой», схватка в устье Ижоры больше напоминала партизанский рейд по тылам противника, чем большое сражение. «Мифическое восприятие событий» было закреплено уже в XX веке, когда «новые мифотворцы» поставили Невскую битву — «один из заурядных... эпизодов истории», по убеждению Данилевского, — «в один ряд с другими битвами — за Москву, под Сталинградом, Курском, за Берлин». Не стоит преувеличивать, по мысли историка, масштабы «столкновения со шведскими рыцарями», в котором подвиги новгородцев «выглядят вполне заурядными эпизодами вооруженного столкновения», равно как и Ледовое побоище. На него нарывался сам Александр Ярославич, провоцируя «столкновения с достаточно сильным и опасным для Новгорода и Пскова ... противником», «в основном воюя ... против чюди, ливов, эстов».

Первым цитирование, чтобы по ходу сделать несколько замечаний. Если немецкие рыцари, по мнению И. Н. Данилевского, все-таки были «достаточно сильным и опасным противником», тогда почему же историк так стремится уменьшить значение решающей битвы с ним на льду Чудского озера и в то же время дважды восхищается литовцами, разбившими рыцарей в 1236 и 1410 г.? Почему эти решительные действия Миндовга и Витовта с Ягайло против Орды не вызывают такого раздражения, как выступление епископа Александра Ярославича? Не потому ли, что Русская земля, в отличие от Литовской, так и не допустила своей оккупации немцами, но «была вынуждена более двух веков тянуть унижительную лямку ордынских «выходов» и помогать захватчикам поработать другие народы»? Последнее — намек на совместные походы русских с ордынцами, в том числе и против Литвы, любившей воевать с Русью, но политику князей которой — Миндовга, Витовта и Ягайло — Данилевский ставит в пример русским князьям.

Упрекая русских в союзе с Ордой (вынужденном союзе!), Данилевский почему-то забыл о добровольном союзе великого князя литовского Ягайло, католика и «образца для

подражания», с мусульманином Мамаем, на помощь которому он шел в 1380 г. против великого князя владимирского Дмитрия Ивановича Московского, да не поспел к сражению на Куликовом поле. Забыл историк и о трех походах на Москву в 1368, 1370 и 1372 гг. отца Ягайло, великого князя Ольгерда Гедиминовича. Забыл, что уже после Крестовской унии 1385 г. и «брачного» объединения Литвы и Польши (женитьбы Ягайло на польской королеве Ядвиге в 1386 г.) новый государственный союз постарался прибрать к рукам западнорусские земли. И наконец, историк забыл, что третий (или первый по хронологии) «образец для подражания» Миндовг постоянно воевал с Русью: и с князем Даниилом Галицким, и с его братом — Васильком Волынским, князем Романом Брянским и т.д. Именно он выгнал своих племянников Тевтивила и Едивиды из Литвы, послал их на Русь воевать к Смоленску со сло-

вами: «Кто что захватит, пусть тем и владеет». Возникает вопрос: если действия русских по обороне своих рубежей — это, по словам Данилевского, «порабощение других народов», то как тогда назвать походы Литвы на Русь до самой Москвы?

Вернемся, однако, к статье Данилевского. «Как могла судьба этой Русской земли зависеть от того, насколько успешным будет грабеж эстов войском Александра Невского?» — спрашивает глубоко ироничный автор «наиболее авторитетных научных Советского Союза», создавших многотомные «Очерки истории СССР» и «канонизировавших» семисотлетний миф об Александре Невском как защитнике Отечества.

Ирония, самого лучшего средства для низвержения с пьедестала «былого кумира», автору не занимать. «Ах да! — будто очнувшись от забытья, восклицает он. — Ведь Ледовое побоище — крупнейшая битва!». И дальше следует «развенчание» этого устоявшегося за несколько веков мнения: «Новгородские и псковские летописи не сообщают о численности воинов, принимавших в ней участие (а южное летописание о ней вообще ничего не сообщает)». Правда, в русских летописях имеются сведения о 500 погибших и 50 плененных немецких ратниках, но они противоречат цифрам «Немецкой рифмованной хроники» конца XIII в., упоминавшей 20 и 6 человек соответственно. Впрочем, «количественные противоречия снимаются просто, — дает пояснение сам автор. — Обычно считают, что русские летописи дают общее число павших и плененных, а «Хроника» — только полноправных рыцарей». «Но, — продолжает Данилевский, — и в таком случае Ледо-

вое побоище явно уступает в масштабах той же Шяуляйской битве. В ней ведь пало более сорока рыцарей!».

Именно в этой битве 1236 г., по мнению Данилевского, «немецкое рыцарство потерпело сокрушительное поражение под Шяуляями (Шяуляем)» и был положен «предел продвижению крестоносных рыцарей на восток», правда, заслуга в этом уже не русских, а литовских отрядов под командованием литовского князя Миндовга.

В таком случае ироничный вопрос Данилевского по поводу итога Ледового сражения Александра Невского, можно переадресовать ему самому: «... Почему, несмотря на полный, как нам помнится, разгром, немецкие рыцари еще не одну сотню лет, вплоть до Ивана Грозного, продолжали тревожить северо-западные границы Руси?». Пусть «сокрушительное поражение» (погибло более 40 рыцарей) и нельзя приравнять к «полному разгрому» (погибло 26 рыцарей), но как можно хотя бы объяснить саму возможность битвы в 1242 г. на Чудском озере, исходя из утверждения самого исследователя, что шестью годами ранее, т.е. после Шяуляйской битвы, «продвижение немецких рыцарей на восток не просто было остановлено, они были отброшены на запад фактически к границам 1208 года»? Почему же тогда после «сокрушительного поражения» и «отбрасывания на запад» немецкие рыцари уже в 1240 г. оказались на Русской земле, заняли Изборск и Псков, преспокойно себе строили на русской территории крепости в 16 км от Финского залива и в 35 км от Новгорода? И два года вели себя так, словно были здесь хозяевами и укоренились в этих землях?!

Совершенно очевидно попытка преувеличить значение одной битвы — в 1236 г. под Шяуляем — и принизить значение другой — в 1242 г. на Чудском озере, т.е. налицо новое мифотворчество: развенчать семисотлетнюю славу князя Александра Невского

го как защитника Руси, выставить его в роли реакционера, выступившего против продвижения католической цивилизации на восток.

Какой же ценой «прославленный защитник земли русской пытался обезопасить северные города от агрессии с запада?», — спрашивает с той же иронией Данилевский. Совершенно очевидно, за счет «сговора с монголами», «топя в крови... сопротивление Орде...».

Тут-то и возникает до очевидного простой вывод: как «представители западноевропейской цивилизации», «рыцари ордена несли с собой новую жизнь», «несли новую идеологию — католическую религию», и «вместе с ними шел новый закон, новый городской быт, новые формы властвования», однако «благодаря героическим усилиям великого «освободителя» от крестоносного ига (которого, впрочем, замечает историк, никогда и не было) князя Александра Ярославича, водружено» было «ярмо на шею русскому народу» — монголо-татарское иго Золотой Орды.

Такая вот простенькая «самонапрашивающаяся» мысль. Но она почему-то не пришла в православные головы за семь веков его почитания. Сам Данилевский констатирует, что князь Александр Невский «в своем решении нашел понимание и поддержку, пусть не у всех современников, зато почти у всех потомков». Почему так получилось, этого Данилевский не объясняет, хотя хорошо известно, что большое видится на расстоянии. Не сообщает он и того, что после явления образа Александра Невского пономарю Владимирской церкви Рождества Пресвятой Богородицы в ночь на 8 сентября 1380 г., т.е. в канун Куликовской битвы, когда благоверный князь Александр Ярославич восстал в видении из гроба и выступил «на помощь правнуку своему, великому князю Дмитрию, одолеваяему сущу от иноплемеников», началось его народное почитание во Владимиро-Суздальской земле.

В первой половине XVI в. известный церковный писатель Пахомий Серб составил канон Александру Невскому, а на Соборе 1547 г. Русская православная церковь причислила его на основании разысканий о чудесах, им творимых, уже к лику общерусских святых как нового чудотворца. К этому событию по приказу митрополита Макария, для составляемых Великих Миней Четых, было написано и первое каноническое житие святого князя Александра Невского на основе хорошо известного с конца XIII в. его княжеского жизнеописания. В 1552 г. совершилось чудо в присутствии Ивана Грозного, шедшего походом на Казанское царство и остановившегося во Владимире. Во время молебна у раки святого Александра Невского о даровании победы приближенный царя получил исцеление рук и впоследствии написал еще одно житие святого. По всей Руси стали строиться храмы и закладываться монастыри в честь святого благоверного князя Александра. Один из них — Александр-Невская лавра — в устье Ижоры, на предполагаемом месте его победоносного сражения со шведами.

Даже Петр I, приложивший немало усилий для поколебания православных устоев в России, с великими почестями перенес святые мощи благоверного князя в новую столицу с надеждой на покровительство и заступничество святого.

Вот эту-то легенду, т.е. прославление князя православной церковью, самодержцами и народом, и попытка развенчать в своей статье Данилевский и представить «реального князя Александра Ярославича», которого ему как профессиональному историку дано знать: «хитрого, властолюбивого и жестокого правителя», который «одним из первых русских князей ... в годы ордынского нашествия понял простую истину: помогая Орде грабить и угнетать свой народ, можно получить кое-какие выгоды для себя». Под «выгодами для себя», надо полагать, историк подразумевает «титул великого князя», который Александр Ярославич «всеми силами старался сначала заполучить, а потом удержать...».

Изложенная точка зрения Данилевского настолько близка взглядам Дж. Феннела и даже во многом шире ее, что нет надобности их излагать, но имеет смысл вступить полемику с ними двумя одновременно и попытаться все же понять, в чем смысл подвига Александра Невского, за который его благодарят потомки.